

Не исчезай... Исчезнув из меня,
Развоплотясь, ты из себя исчезнешь,
Себе самой навеки изменяя,
И это будет низшая нечестность.

Не исчезай... Забудь про третью тень.
В любви есть только двое. Третьих нету.
Чисты мы будем оба в Судный день,
Когда нас трубы призовут к ответу.

Евгений Евтушенко

«Не исчезай...»

Маша открыла дверь платяного шкафа, задумчиво начала перебирать висящие на плечиках платья. Что бы такое надеть нарядное... И даже очень нарядное. Новый год все-таки, особенный праздник. Хотя настроения новогоднего вроде и нет... Призываешь его всеми силами, призываешь, а оно не торопится ошастливить, хоть плачь. Но встречать Новый год все равно в чем-то надо, его не перенесешь на более поздний срок, не отменишь! Этой сакральной дате неважно, что настроения совсем нет! Уж будь добра, напрягись, организуй себя как-то...

Но как, если не получается? Если этого новогоднего ощущения радости беспричинной нет, что бывала раньше?

А может, ну ее к черту, эту самую радость? Чего ее зря вымучивать? Ну нет и нет, можно без нее обойтись прекрасно. Ведь если рассудить здраво, что он такое, этот канун предстоящего торжества? Обман ожиданий, только и всего. Игра в детство. Мол, загадаю себе на следующий

ВЕРА КОЛОЧКОВА

год кучу всего, проговорю торопливо эту «кучу» под бой курантов, и все потом сбудется!

Ага, размечталась. Ничего ни у кого не сбывается, ерунда все это. К тому же нет ничего грустнее обманутых ожиданий. И тем не менее все повторяется из года в год — и суэта эта предновогодняя, и чистка перышек, и платье, и желанья торопливые под бой курантов...

Ладно, хватит грустить. Как бы там ни было, а платье выбрать надо. Хотя выбор, если честно, не так уж велик... Можно вот это, синее с блестками, оно ей идет, да... Но его ж на прошлый Новый год надевала! Маринка ведь это платье вспомнит и обязательно съязвит что-нибудь этакое — мол, твой Олег не в состоянии на новое платье жене заработать? Она ж такая, Маринка... Вроде и не со зла скажет, с улыбочкой, а все равно неприятно. Хотя могла бы и не заметить, промолчать... Подруга все-таки.

А можно вот это надеть, бежевое, трикотажное, оно такими красивыми складками на бедрах ложится... Но оно скорее летнее, без рукавов, вроде не по сезону. О, вот это подойдет, пожалуй! Шелковое, сиреневое, длинное, до щиколоток. Совсем недавно его покупала, когда свой день рождения отмечала, и Маринка его точно не видела! Она ж болела тогда, на день рождения не пришла... Да, пожалуй, сиреневое. А к нему можно бусы аметистовые у мамы позаимствовать. И сережки...

Давай придумаем любовь

Надела на себя платье, повертелась перед зеркалом. Да, и впрямь ничего. Вроде даже и посвободнее стало. Похудела, наверное... Какие-то непонятки у них в последнее время происходят с Олегом, вот и похудела. Потому еще и настроения новогоднего нет...

Хотя к черту, к черту это настроение, далось оно ей, честное слово! Теперь и новогоднюю вечеринку у друзей отменять?

Вышла к маме на кухню, спросила деловито, потрогав мочки ушей:

— Сережки свои дашь, мам? Те самые, аметистовые? И бусы... К этому платью все равно ничего больше подобрать нельзя.

— Дам, конечно, о чем разговор... — повернулась от плиты мама, быстро оглядела ее с ног до головы. — Иди ко мне в комнату и возьми в шкатулке.

— Да, сейчас... — повернулась было к двери Маша, но мама остановила ее решительно:

— погоди! погоди, успеешь еще... Я тебя попросить хочу, Маш... Не забирайте Павлика из дома, а? Ну в самом деле... Поговори с Олегом, я думаю, он не против будет. Ну что ребенку в шумной компании делать, сама посуди?

— Нет, мам, что ты... Павлик же собирался с нами, как я ему скажу? Нет... Он и подарки уже для Сонечки с Кирюшей приготовил... Они его тоже очень ждут! Мы же всегда у Филимоновых Новый год встречаем, ты же знаешь!

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Ну да, конечно... — обиженно кивнула мама. — Детки твоей подруги Катеньки важнее, конечно, чем родная бабушка!

— Но они же и впрямь дружат, мам...

— Ой, да какая там дружба! Ребенку десять лет, а ты рассуждаешь так, будто он взрослый! Ты мать или кто? Сказала бы ему — останься с бабушкой, он бы и остался как миленький! И мы бы с ним прекрасно Новый год вдвоем встретили... Все б я не одна, все бы компания...

— Так сходи к подруге, мам! Тетя Зоя всегда тебя на Новый год приглашает!

— Да ну... Не хочу. Я неловко себя в гостях чувствую. У Зои же все парами будут... Что я усядусь... как бедная родственница? Все меня жалеть будут, что я одна... Не, не хочу самой себе такую пытку устраивать.

— Ой, мам! Ну что ты себе неловкости всякие придумываешь? Кому какое дело, одна ты в гости пришла или еще с кем-то?

— Хм... С кем-то... — тихо и грустно проговорила мама, коротко глянув на Машу. — Ты так рассуждаешь, потому что сама в этой шкуре никогда не была... И не дай тебе бог, конечно... Только разведенная женщина знает, какво это — быть разведенной. Когда в любую приличную компанию тебе путь заказан заранее, будто у тебя на лбу клеймо стоит. Нет, пойти-то можно, конечно, Зоя и впрямь приглашает всегда... Из приличия приглашает...

Давай придумаем любовь

— Да ну, мам! Вот ерунда все это, чистая ерунда! Не знаю, может, раньше так и было, спорить не буду... Но сейчас-то уже другие времена, мам! Сейчас женская свобода обрела другой статус! Женщины сейчас и сами не особо хотят быть замужем, это необязательный фактор для счастья! Ой, да что я тебе объясняю...

— Правильно, не надо. Не объясняй. Потому что я знаю, что говорю. И знаю, как одинокие бабы хорошо насобачились придумывать сказки про эту свободу. Одна другой хлеще придумывает, а остальные им еще и поддакивают, ага! Да только подоплека у этих сказок все равно одна, обманная подоплека-то... Нет у бабы никакой свободы, не нужна она ей. А если какая начинает рьяно доказывать, что нужна, так это все как анекдот звучит про ковбоя Джо... Мол, почему он такой неуловимый? Да потому что его никто не ловит и не хочет ловить...

— Ну, мам, ты даешь... Я так понимаю, что с тобой и спорить на эту тему бесполезно. Да я и не буду...

— И правильно. И не спорь. А то еще накликаешь на себя...

— Ну что я накликаю, что?

— А сама не понимаешь, да?

— Нет, не понимаю!

— Да все ты понимаешь, дорогая доченька! Все прекрасно понимаешь! Вот скажи, где Олег? Где сейчас твой муж находится, почему

ВЕРА КОЛОЧКОВА

не рядом с тобой? Сегодня тридцать первое декабря, между прочим!

— Ну и что, мам? У него дела... Сегодня же рабочий день!

— Ой, да ладно... После обеда уже все по домам разбегаются, что я, не знаю? Он хоть звонил тебе? Сказал, когда придет?

— Звонил... Сказал, что домой не успеет, что придет прямо к Филимоновым часам к одиннадцати...

— К одиннадцати?! Ничего себе... И где же это он будет до одиннадцати?

— Но я же тебе объясняю — у него дела...

— Маш! Ты дурочку-то из себя не строй, ладно? Какие такие дела могут быть в предновогодье? Все нормальные мужья давно около своих жен сидят... В кругу семьи...

— Мам, не начинай, а? Это наше с Олегом дело...

— Конечно, ваше дело, разве я спорю? Я в ваши дела никогда не суюсь... А только у меня тоже глаза есть, они ж все видят... Да из ума я еще не выжила, все прекрасно понимаю.

— Ну что, что ты понимаешь, мам? Что ты себе придумываешь? Зачем себя накручиваешь попусту?

— Ну да, ну да... Скажи еще, что меня старческая паранойя настигла. Я еще в здравом рассудке нахожусь, слава богу, и отвечаю за свои слова. И вижу прекрасно, что меж вами происходит!

Давай придумаем любовь

— Ничего ужасного не происходит, мам, я тебя уверяю. У нас все хорошо, правда. Я Олегу верю. Если говорит, что у него дела, значит, так и есть.

— Ну да, ну да... Я тоже когда-то такой же дурочкой была, твоему отцу безоглядно верила. Пока он дверь за собой не закрыл... А, да что говорить, ты ж все равно мать не слушаешь... Не авторитет для тебя мать, понимаю, что ж...

Маша вздохнула тихо, ничего не ответила. Знала уже, что дальше будет. Если ответишь, мама плакать начнет, лучше как-то бы ее отвлечь быстренько...

— Мам, так я не поняла! Так ты мне сережки дашь или нет? И бусы?

— Ну сказала же... Иди в мою комнату, сама возьми! И ты мне еще не ответила, Маш... Оставишь со мной Павлика или нет?

Вопрос прозвучал опять слезно, и Маша растерялась. И вздохнула с облегчением, когда услышала голосок Павлика, появившегося в дверном проеме:

— Я не хочу дома оставаться, ба... Я хочу с папой и с мамой... Давай ты лучше с нами в гости поедешь, ладно?

— Да больно я нужна в те гости, Павлуша... Кто ж меня туда звал... — тихо проговорила мама, с досадой глянув на Павлика.

— Так давай я сейчас позвоню и попрошу тетю Катю или дядю Дениса, чтобы они тебя

ВЕРА КОЛОЧКОВА

позвали! И все вместе поедem! Или мама пусть позвонит!

— Да нет, что ты... Спасибо, внучек. Добрый ты у меня... Да и не готова я, а вам уже ехать пора.

— А который час, мам? — озабоченно спросила Маша.

— Так без пятнадцати восемь уже!

— Ой... И впрямь пора! За нами же Марина в восемь заедет! — заполошно проговорила Маша. И, повернувшись к сыну, добавила тихо: — Давай, Павлик, собирайся, неудобно будет заставлять себя ждать! Я тоже сейчас быстренько соберусь...

— Так я давно готов, мам... Это ты до сих пор копаешься!

— А Марина одна за тобой заедет, что ль? — удивленно спросила мама.

— Нет... Марина с Женей. Они вместе за нами заедут.

— Ну да, ну да... Маринка твоя — кремень. Всегда мужа около себя держит. Да и Женя у нее такой... Маринка скажет: «К ноге!» А он уже тут как тут. А твоему Олегу так не скажешь, конечно...

— Да мне бы такое и в голову не пришло, мам! Что значит к ноге? Мне и не надо так... Я не хочу!

— А что тебе еще остается, как не хотеть? У тебя и выбора другого нет. Олег, он совсем другой...

Давай придумаем любовь

Мама вздохнула так, будто одобрила, что ее зять совсем другой. И проговорила тихо, почти обреченно:

— Ладно, пойду к Зое Новый год встречать... Не сидеть же одной... Часов в десять пойду, чтобы не быть там долго. А вы идите и собирайтесь, что ж...

Маша и Павлик быстро вышли из кухни, будто сбежали. Павлик спросил шепотом:

— Бабушка обиделась на меня, да?

— Нет, что ты... Просто у нее настроение сегодня плохое.

— Потому что папы дома нет, да?

Маша и не нашла сразу что ответить — такой был голос грустный у Павлика. Потом собралась, проговорила деловито:

— Ты же знаешь, у папы всегда много дел! Он придет потом, и мы все вместе встретим Новый год... А как же иначе? И вообще... не отвлекай меня. Иди лучше глянь в окно, вдруг тетя Марина и дядя Женя уже за нами приехали?

— Да нет, точно не приехали... Сейчас наверняка в городе жуткие пробки, — совсем по-взрослому рассудил Павлик, махнув рукой. — А если бы приехали, тетя Марина тебе бы давно позвонила. Ты лучше собирайся уже, мам...

— Да, я сейчас, я быстро!

Потом она долго смотрела на свое отражение в зеркале — как все-таки аметистовые бусы и серьги подходят к этому платью... И к гла-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

зам... А если б они не были такими грустными, так вообще... И ведь не сделаешь их веселыми, как ни старайся! Не зря ж говорят, что глаза — зеркало души. А на душе и впрямь кошки скребут...

И ведь как хочется прогнать этих кошек, сердито прогнать — брысь, брысь отсюда! И потом жить себе дальше, заниматься приятными новогодними хлопотами! Они ведь на самом деле приятные, правда?

Да только не получается их прогнать. Потому что как ни посмотри, а мама права. Какие дела могут быть у Олега в предновогодье? Все давно уже к празднику готовятся, мужья к женам спешат, а жены — к мужьям. Потому что это семейный праздник, всякие упоминания о «делах» звучат по меньшей мере неуместно. И обидно. Ну что значит «приеду к одиннадцати?» Ведь если разобраться, самые драгоценные часы предновогодья протекают именно до одиннадцати, пока за стол не сели. В счастливой суете протекают. В общении с друзьями. Которым еще надо объяснить, почему они с Павликом явились в гости без мужа и отца. Их уж точно «делами» не обманешь.

А она, выходит, позволяет себя обманывать? Вот как упорно твердит и маме, и Павлику, и самой себе — дела, дела... Наверное, потому что упорно твердить легче, чем правду признать. В данном случае это упорство роль

Давай придумаем любовь

соломинки выполняет, за которую можно ухватиться. Чтоб совсем не пропасть...

Да, да! Она пропадет, если... Если потеряет Олега. Без него жизни для нее нет. А что делать? Такая вот любовь... И установка в этой любви такая — не возражать, не спорить. Беречь эту любовь как величайшую драгоценность. Как-то сразу так повелось...

С того самого дня и повелось, как познакомились. Она сразу поверила, что это знакомство — большой для нее подарок. Олег, он же такой... Такой красивый, такой в себе уверенный, такой сильный и статный. Будто с киношной картинки сошел. К тому же старше ее на семь лет. Зрелый красавец-мужчина. А она кто была? Мышка-норушка серенькая, домашняя девочка, в строгости воспитанная. Ой, да как вспомнишь... Она даже глядеть на него боялась, робела и глаза опускала, сказать ничего умного не могла. Все ей казалось, что не то ляпнет с перепугу. А когда он замуж ее позвал, не могла своему счастью поверить. Все думала — это не с ней происходит, а с какой-то другой девицей, более симпатичной и в себе уверенной.

После свадьбы Олег переехал к ним с мамой в их трехкомнатную квартиру. И как-то очень быстро освоился, хозяином себя почувствовал. И опять ей ужасно нравилось, что он такой... Всегда все сам решает. И маме его поведение нравилось. Все время говорила до-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

вольно — наконец, мол, мужик в доме живет настоящий. Каменная стена. Не всем так в жизни везет! И ее мама наставляла время от времени:

— Ты никогда с мужем не спорь, Машенька. Будь умной, покладистой будь. Такие мужья на дороге не валяются, имей в виду. Береги его... Под кожу не лезь, мозг не выноси. Считай, что ты свой счастливый билет уже вытянула. Теперь главное — сберечь свое счастье, в семейных дразгах не растерять. От женщины ведь очень многое в семье зависит... Не спорь с ним никогда попусту, слышишь?

— Да какое там, мам... У меня и мыслей таких нет! Я так его люблю, что и себя не чувствую — есть ли я, нет ли... Будто счастливым ветром меня несет.

— Да, повезло тебе, доченька... — вздыхала мама грустно. — Не то что мне... Ты уж будь счастлива за двоих, и за себя, и за меня. И я возле твоего счастья погреюсь как сумею. Такой муж тебе достался, такой муж! Да это ж одно сплошное удовольствие — такому зятю услужить!

В удовольствии услужить мама себе не отказывала. Вставала рано, чтобы завтрак Олегу приготовить. Он садился за стол, и мама суетилась вокруг него с тихим бормотанием — обязательно, мол, надо плотно позавтракать, Олеженька... У тебя трудовой день впереди...

Давай придумаем любовь

Я блинчиков тебе напекла, кушай! И сметанки, сметанки побольше клади!

Олег кушал. Со стороны могло показаться, что он такой большой и важный начальник, а мама у него домработницей служит. Или кухаркой.

На самом деле не был он никаким начальником, трудился простым менеджером в захудалой фирме. Хотя претензии по поводу своей незадавшейся карьеры у него всегда были, он их проговаривал частенько с мазохистским надрывом:

— Кругом же одни блатники сидят, чьи-то сыночки да дочки! Разве нормальному человеку можно сейчас где-то пробиться? Кругом только бабки родительские все решают...

— Да, Олеженька, все так, да! — соглашалась мама с большим сочувствием в голосе. И тут же добавляла торопливо: — Но ты не переживай, Олеженька, что ты... Мы с Машей все понимаем. Мы тебя и так любим, Олеженька...

— Да знаю... — будто бы с раздражением отмахивался Олег. — Но все равно ведь обидно, Татьяна Петровна! Я на фирме больше всех кручусь, по делам бегаю как подорванный, а никто это не видит, не ценит... За последние два года даже зарплату ни разу не повысили! Вот где справедливость, скажите, где?

— Да какая такая справедливость, Олеженька, что ты... Никогда и нигде ее отродясь не бы-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

ло. А за деньги не переживай — нам ведь хватает, правда? И Маша работает, и пенсия у меня... Проживем, Олежек, не переживай!

Олег, позавтракавши, уходил на работу, а мама продолжала вздыхать, с укором глядя на Машу, будто это она была виновата в незадавшейся карьере мужа:

— А ты чего сидишь и помалкиваешь, а? Могла бы и поддержать мужа, ободряющее словцо ему сказать! Он какой деловой... И умный... Настоящий мужик... Женщина при таком муже просто обязана быть мудрой да благодарной! А ты сидишь и молчишь!

— Так ты за меня все говоришь, мам...

— А тебе что, не нравится? Если не нравится, так и скажи! Я вообще могу замолчать!

— Перестань, мам. Я вовсе не хотела тебя обидеть.

— Да знаю... Мне не за себя обидно, мне ж за Олега обидно. Никто и нигде его не ценит...

— Я ценю, мам. Ты же знаешь. Я очень его люблю.

— Ну еще бы ты не любила... Он твой муж, глава семьи. Сейчас поищи таких, чтобы согласился главой быть, чтобы ответственность за семью взял. Чтобы любить его было за что. А ты его любишь, да... Что правда, то правда... Это ведь счастье для женщины, когда она мужа любит...

Счастье. Конечно же, счастье. Кто ж спорит? Но какое-то оно... С червоточиной получается.

Давай придумаем любовь

Такое иногда накатывает ощущение, будто это счастье замешано на ее самоуничтожении перед мужем. Не зря же подруга Маринка всегда фыркает, когда она при ней вспоминает Олега. Фыркает и овцой ее называет.

А может, Маринка права? Может, она и есть овца, которая только за голосом пастуха следует? И как эту овцу в платье красивое и бусы аметистовые ни обряжай, она все равно, по сути, овцой остается? Любящей и преданной, но овцой?

Дверь тихо скрипнула, Маша оглянулась испуганно, будто ее застали за чем-то постыдным. Наверное, сама в этот момент своих же мыслей испугалась.

В проеме двери стояла мама, смотрела на нее с улыбкой.

— А ну, Машунь, покажись хоть... Как мои бусы с платьем смотрятся...

Маша развернулась к маме всем корпусом, развела руки по сторонам, покружилась неловко. Мама довольно кивнула:

— Хороша! Очень бусы к платью подходят. И серьги... Знаешь, я тебе дарю этот комплект. Пусть будет от меня новогодний подарок. Все равно я его не ношу, вышло мое время для украшений. А тебе пригодится, что ж...

— Спасибо, мам! Спасибо! Я тоже тебе там, под елочкой, подарок положила. Посмотришь потом...

ВЕРА КОЛОЧКОВА

Телефон пискнул пришедшим сообщением, и Маша, глянув на дисплей, тут же заторопилась, не дав маме ответить:

— Ну все, мы пошли, Маринка и Женя за нами уже приехали! Павлик, ты где? — крикнула она в глубину квартиры. — Давай собирайся быстренько, мы выходим!

— Я все-таки надеялась, что оставишь со мной Павлика-то... До последнего надеялась... — со слезой в голосе проговорила мама.

И не став слушать Машиных оправданий, махнула рукой, ушла к себе. А Павлик уже торопливо натягивал на себя пуховичок и ботинки. Сам открыл дверь и стоял за ней, нетерпеливо притопывая ногой:

— Мам, ну чего ты копаешься? Давай быстреей, мам...

* * *

Ну улице шел снег. Легкий, праздничный. Маша вдохнула в себя терпкий морозный воздух — казалось, он пахнет шампанским и мандаринами. И еще чем-то вкусным. И елочка во дворе стоит, огоньками мигает. Красиво...

Зажмурилась, улыбнулась и тут же услышала сердитый голос Марины, доносящийся из приоткрытого окна машины:

— Машка, давай быстрее! Мы тут ждем, а она стоит, замерла... Чего замерла-то, а?

Давай придумаем любовь

— Да так... Снегом люблюсь... Еще елочкой, — виновато проговорила Маша, подходя к машине.

— Ох, романтичная ты наша... Давай песенку еще спой — «в лесу родилась елочка»! А мы посидим тут, послушаем. Торопиться-то нам ведь некуда, правда?

— Теть Марин, не ругай маму... — жалобно попросил Павлик, заглядывая Марине в глаза.

— А я разве ее ругаю, ты что, Павлик? — рассмеялась в ответ Марина. — Наоборот, я твоей мамочкой восхищаюсь! В наши циничные времена быть романтиком — это ж не каждому дано, правда? И хватит со взрослыми спорить, садись в машину!

— Да вот же я, сажусь уже... — проворчал тихо Павлик.

Женя выскочил из машины, услужливо помог Маше с Павликом забраться на заднее сиденье. Марина повернулась, опять спросила насмешливо:

— Я правильно поняла, Олег с нами не едет? А почему, интересно знать? Случилось что-то?

— Да ничего не случилось... У него дела. Он позже приедет, — немного виновато ответила Маша и рассердилась на себя тут же за эту виноватость. Будто оправдывалась в чем.

— И как это понимать — позже? Ровно к двенадцати, что ли? Или под бой курантов заявится? — не унималась Марина.

ВЕРА КОЛОЧКОВА

Маша вздохнула, прикусила губу. Нравится Марине, что ли, ее мучить? Вот всегда так... Марина будто бы на нее нападает, а она оправдывается. Как Олег говорит — плюсует. А она, стало быть, минусует. Никогда не может ответить чем-нибудь резким — отстань, мол, не твое дело, сама разберусь!

— К одиннадцати обещал... — стараясь придать голосу нотки уверенной беззаботности, проговорила Маша тихо. — Да и какая разница, в общем, когда он приедет! Разберется со всеми делами и приедет.

— Ну-ну... — хмыкнула Марина, отворачиваясь к окну.

Какое-то время ехали молча, хотя это и громко звучит — ехали. В основном стояли или тащились медленно в потоке машин.

— Ой, я же совсем забыла! — вдруг всполошилась Маша. — Катька просила соленых огурцов купить! Давайте еще на рынок заедем, ладно? Все равно ж по пути...

— Она что, беременная? — снова повернула к ней голову Марина. — Куда им с Дэном третий ребенок, они что, с ума сошли?

— Ой, да почему сразу беременная! Просто забыла в городе соленых огурцов купить, вот и все! Ну сама посуди, какой такой оливье без соленых огурцов?

— А у них что, своих нет? Вроде на земле живут, участок большой...

Давай придумаем любовь

— Так у них не участок, а настоящий лес, там деревья растут, ты же знаешь... Где там огурцы выращивать? Между соснами грядки разводить?

— Ладно, убедила. Жень, слышишь? Давай к рынку подруливай, у нас форс-мажор, у Катьки с Дэном соленых огурцов не оказалось! — деловито дала мужу указание Марина.

— Ладно, ладно... — покорился Жень. И тут же добавил: — Только учтите, девчонки, у рынка сейчас не встанешь, все забито машинами. Придется в какой-нибудь двор заезжать. И уже оттуда на рынок топать.

— Вот ты и будешь топать, а мы пока в машине посидим. Ничего страшного. Не станешь же ты возражать, правда? Ты ж у нас джентльмен!

— Ну, само собой разумеется... Конечно, я сам схожу. Сейчас вот в этот двор заедем...

— Дядь Жень, я с тобой! Можно? — робко попросил Павлик, вытягивая шейку.

— Конечно, можно. О чем речь... — покладисто согласился Жень.

— Еще один джентльмен выискался, надо же... — тихо проговорила Марина. И, глянув на Павлика, спросила насмешливо: — Дамским угодником растешь, да, Павлуша?

— А как это, дамским угодником? — удивленно спросил Павлик, распахивая глаза.

— Ну, это когда мужчина сам норовит под каблук залезть, ему так удобно. Потому что он такой — ни рыба ни мясо...

ВЕРА КОЛОЧКОВА

Женя слегка дернул головой, помолчал, потом проговорил едва слышно:

— Ты попрдержала бы при себе свое плохое настроение, Марин... К тому же при ребенке не надо...

— А что я такого сказала, что? — запальчиво переспросила Марина.

Маша незаметно положила ей ладонь на плечо, сжала слегка — не надо, мол, не заводишься. Успокойся. К тому же Женя уже въехал во двор, припарковался удачно. Повернувшись к Павлику, спросил весело:

— Ну что, идем?

— Да, дядь Жень... — радостно откликнулся Павлик.

Когда они остались в машине вдвоем, Маша спросила с укором:

— Ну что ты все время на него нападаешь, Марин? Он так любит тебя, каждое твое желание готов исполнять, каждый каприз... А ты ведешь себя как мегера!

— Ой, да ладно! — отмахнулась Марина сердито. — Учить меня будешь сейчас... Давай лекцию мне прочитай, как надо с мужем правильно разговаривать! Как реверансы делать и в глаза преданно смотреть! Поделись собственным куриным опытом, ага!

— Ну почему сразу куриным...

— Потому что ты курица. А я нет. Потому что ты обожествляешь своего Олеженьку. На

Давай придумаем любовь

том и живешь. А я нет... Знаешь, я даже спорить с тобой не буду, кто из нас больше счастлив, Машка. Может, и я бы так мужика обожествляла... Если б рядом со мной такой был, которого хотелось бы обожествлять... Ты же все равно не поймешь, о чем я...

— А ты что, Женю совсем не любишь, да? Он же такой хороший... Он так тебя любит... Помнишь, как в школе он за тобой ходил? Буквально по пятам...

— Ладно, Машка, все. Не будем развивать тему. Давай лучше помолчим, а то я тебе опять нагрублю, и ты обидишься. Давай лучше помолчим!

Маша кивнула, откинулась на спинку сиденья, прикрыла глаза. И впрямь лучше помолчать, если Марина просит. Уж больно задиристые нотки слышны в этом ее «помолчим»...

Маринка всегда была задирой, ее даже мальчишки в школе боялись. И старались держаться подальше, несмотря на то что Маринка считалась первой красавицей. Все боялись к ней подойти. Кроме Жени. Он ходил за ней как пришитый, смотрел преданно. Контрольные решал в первую очередь для нее, потом уже за свое задание брался. И сочинения тоже за нее писал... Учителя все знали, конечно, и стыдили его, но ничего поделать не могли — контрольная-то Маринкина на отлично написана, не придерешься! Только однажды мате-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

матичка сказала грустно, с жалостью глянув на Женю: «Пропадешь ты, Соломин, со своей преданной любовью, ой, пропадешь... Медвежью услугу своему предмету обожания делаешь, с правильного пути сбиваешь. Она ведь всю жизнь будет думать, что ей в любых отношениях все позволено! Из этого болота и вырастают настоящие стервы, которые играют мужскими головушками как мячиками. Эх ты, Соломин, Соломин...»

Женя слушал, краснел, поеживался. Готов был сквозь землю провалиться, а Маринке хоть бы что! Глядела на математичку с таким вызовом, будто хотела сказать — не надо завидовать, мол...

Они с Катькой сидели за соседней партой, жалели Женю. Хотя и права у них такого не было, если по дружбе. Потому что Маринка им подругой была, а Женя... Женя был всего лишь рабом Маринки. Чего его на самом деле сильно жалеть, если сам на рожон лезет? Никто ж его не заставляет за Маринкой ходить!

Конечно, Маринка у них верховодила, этого не отнять. Но верховодила так непринужденно и весело, что они с Катькой с радостью подчинялись. Да и то — всегда ведь в дружбе кто-то признанным авторитетом является, как без этого? К тому же Маринка своим авторитетом не злоупотребляла, всегда умела остановиться, когда ее несло... Вот как сейчас, напри-

Давай придумаем любовь

мер. Испугалась, что может нахамить, и произнесла это спасительное «помолчим». Хотя эта грань между хамством и сохранением дружбы всегда была довольно расплывчатой — то ли есть она, то ли нет...

Так получилось, что они все росли без отцов — она, Катька и Маринка. Толклись в основном дома у Катьки: мама у нее доброй была, сама подружек дочкиных в гости зазывала. А потом мама у Катьки умерла... Они в то лето аккуратно восемь классов окончили. Катька боялась, что ее в интернат отправят, но не случилось, слава богу. Тетка у себя приютила, мамина сестра. Опекун оформила. Да только еще неизвестно, где бы Катьке лучше жилось, в интернате или под этой сердитой опекой. Даже не сердитой, а унижительной.

Помнится, Катька приходила в школу в слезах, рассказывала им на перемене:

— Представляете, девчонки, она все мои вещи обыскивает. В портфеле роется... Все хочет какие-то доказательства найти, что я... Ну, будто бы я... Ну, с парнями то самое делаю... И еще повторяет все время: «В подоле принесешь — на улицу жить отправлю! С глаз долой — из сердца вон!» Да если б у нее на самом деле это сердце было, ведь нет... Вроде мамина родная сестра, а такая злая... Может, потому у нее своих детей и нет...

ВЕРА КОЛОЧКОВА

Она плакала вместе с Катькой, обняв ее за плечи, а Маринка сердилась:

— Ну чего ревете-то, чего? Я думаю, надо на твою тетку куда-нибудь пожаловаться! Может, нашему директору в школе, Василию Павловичу?

— А что он может сделать, Марин? Ничего и не может... Я думаю, только хуже будет, она еще больше озлится... — махнула рукой Катька, громко всхлипнув.

— Но ведь нельзя же это издевательство терпеть, в самом деле! Ты же не ее собственность! — снова возмущалась Маринка.

— Да я и не буду терпеть... Вот окончу школу и сразу уйду от нее. Повернусь и сразу уйду! В этот же день!

— И куда ты уйдешь, интересно?

— Ну, не знаю... Поступлю учиться туда, где студентам общежитие дают... А там видно будет...

— А после учебы куда пойдешь?

— Не знаю. Замуж выйду за кого-нибудь.

— Хм... За кого-нибудь... Хорошая постановка вопроса...

Но какая бы постановка вопроса ни была, а у Катьки все так и получилось — после школы поступила в политехнический, ушла от тетки в общежитие. А на втором курсе объявила им, что выходит замуж и будет жить с мужем у его родителей. Они вовсе не против, так-то вот...

Давай придумаем любовь

Маринка только руками всплеснула:

— Да кто тебя гонит так рано замуж, Катька? Зачем? Боишься, что никого больше не найдешь, что ли?

— Нет, почему же боюсь... Я люблю Дениса, и он любит меня.

— Так это тот парень, с которым ты у меня на дне рождения была? Рыжий такой крепыш?

— Да, это он.

— Да брось, Катька... Он даже не симпатичный. Что ты в нем нашла? Неужели только то, что родители его тебя за свою признали?

— Да нет, Маринка! Ты не понимаешь! Я его и правда люблю! И он меня любит... Главное, он надежный, я ему верю. А еще он очень умный, вот...

— Что-то я особого ума в нем не заметила, если честно. Да и лицо у него такое... Интеллектом явно не обезображено. И вообще... Зря ты, Катька, зря. Вот я, например, замуж выйду только за настоящего крутого мужика, которого и любить есть за что и за спиной у которого что-то имеется, а не только родительская квартира.

— Значит, бедному Женьке ничего не светит, да?

— Не-а. Не светит.

— Так скажи ему прямо об этом! Чтоб надежд не питал! Так честнее будет!

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Ничего я ему говорить не буду... Что я, с ума сошла? Пусть остается как вариант... Вдруг пригодится?

— Ой, ну какая же ты, Марин...

— Какая? Ну какая?

— Подлая, вот какая.

— Нет, я не подлая. Я рассудительная. А ты, Катька, трусливая. Ты боишься одна остаться, вот и выходишь за первого встречного. А я ничего не боюсь.

— Ага, ага... Вот держишь при себе Женю как запасной вариант. И кто ж из нас тогда больше боится, интересно?

— Да хватит спорить, девчонки... — встряла в их диалог Маша, испугавшись, что он может вылиться в ссору. — Наоборот, надо за Катю радоваться, я думаю. Если она любит Дениса, то все правильно, значит... Ведь любишь, Кать, правда?

— Люблю. Очень люблю. Я ему верю, он надежный.

— Ну, заиклилась ты на этой надежности, подружка... — тихо проговорила Марина, вздохнув. — Смотри, потом опомнишься, да поздно будет...

Через два месяца отплясали Катькину свадьбу. Скромненькую, но веселую. На свадьбе Катька им объявила, что ждет ребенка.

— Ой... А родители Дениса об этом знают, Кать? — испуганно спросила Маша, схватившись за щеки.

Давай придумаем любовь

— Конечно, знают! Они очень рады!

— И как же вы все в двухкомнатной квартире поместитесь? — насмешливо спросила Маринка, дернув плечом.

— Да нормально... В тесноте, да не в обиде. К тому же Денис хочет свой дом начать строить... Его двоюродный брат в свой бизнес компаньоном берет, так что заработает, я думаю. Я ему верю, он такой... С виду скромный, но хваткий. Я ж знаю, за кого замуж иду...

— Все-таки по расчету, да, Катя? — не удержавшись, съязвила Маринка.

— Ну, пусть будет так... Пусть по расчету... Этот расчет ведь от любви идет, так почему нет? Мне жизнь другого выбора не оставила, Марин. А мой Денис, он такой... Я знаю, я ему верю. Все у нас будет хорошо...

И Катя оказалась права. Не зря верила, не зря знала. Денис раскрутился в бизнесе довольно удачно, дом для Катки за городом отгрохал отменный. Не сразу, конечно, со временем... Катке в то время тоже довольно трудно жилось — Денис на работе пропадал, а она одна с двумя детьми управлялась. Да, так и вышло, что с двумя. После первенца Кирюшки она ему еще и дочку подарила, прелестницу Сонечку. Теперь живут всем семейством в большом доме, в достатке, беды не знают. И хозяйка из Катки очень хорошая получилась, домовитая. И про подруг она не забыла. Теперь на каждый

ВЕРА КОЛОЧКОВА

праздник они всей компанией в доме у Дениса и Катьки собираются. Маша с Олегом, Маринка с Женей...

Да, именно с Женей. Потому что так и получилось, что того самого щедрого «варианта» для Маринки не нашлось. Никто на ее красоту не позарился. К своим тридцати годам спохватилась Маринка — лучшие годы прошли, а семьи нет. Непорядок. И тогда... почему не Женя? Вот же он, всегда рядом стремится быть, всегда готов. Юношеская любовь не ржавеет, с годами только звонче становится.

— Но ведь ты не любишь его, Марин... — неуверенно проговорила Катя, когда Маринка сообщила им с Машей, что выходит замуж за Женю.

— Ну и что? Ты ведь тоже своего Дэна не любила, когда замуж выходила, признайся!

— Нет. Неправда. Я Дениса любила. И сейчас люблю. А тебе Женя нужен только для того, чтобы отметить замужем. Чтобы доказать всем что-то. Уж не знаю... что. Сейчас вроде времена другие и замужество для женщины не является тем самым пропуском в социум, как раньше. Зачем тебе Женька, Марин? Зачем? Ты ж его несчастным сделаешь...

— Можно подумать, если я не выйду за него замуж, он счастливее будет! Сами же знаете, как он меня любит! Так что пусть... К тому же у Женьки бабушка недавно померла, квартиру

Давай придумаем любовь

ему в наследство оставила. Сделаем там хороший ремонт... Может, я и ребенка еще рожу... Годы-то идут, с фертильностью тоже нельзя заигрываться. Кто ж мне в старости тот самый пресловутый стакан воды подаст? А Женька хорошим отцом будет, я знаю.

— Ой, Марин... Ты ж не любишь его совсем...

— Ну хватит, что за манера повторять одно и то же — любишь, не любишь! Я ж не совета от вас прошу, а перед фактом ставлю, только и всего! Замуж я выхожу, понятно? Готовьтесь к свадьбе! Ты, Машка, свидетельницей будешь, поручаю тебе эту роль, гордись!

И вот уже пять лет как Марина и Женя живут вместе. Да только разве это сожителство можно назвать счастливым браком? Когда Маринка не любит, а Женя смиренно терпит ее нелюбовь? И понимает, что она все время поверх головы его смотрит — вдруг на горизонте тот самый появится, который красавец брутальный-харизматичный, да еще со всеми благами за пазухой?

Иногда казалось, что Маринка и не живет, а только к этой встрече готовится. То есть вкладывается в свой женский образ остервенело и ненасытно, пропадая в салонах, тренажерных залах и на бесконечных шопингах. Посмотришь на нее — избалованная богачка... Хотя живут они с Женей довольно скромно, пото-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

му как все заработанные деньги уходят на этот остервенело ухоженный «женский образ». А уж как бедному Жене вся эта суета достается, и говорить нечего! Приходится подрабатывать... где только возможно. Маринка на свою скромную офисную зарплату и не надеется: она ж на работу ходит, чтоб красоту свою демонстрировать, не более того. А еще при этом и раздражается на бедного Женью, помыкает им! Жалко его...

Хотя ведь он сам такую жизнь выбрал, никто силой не загонял. Как говорит Маринка, если хочешь жить рядом с любимой женщиной, то терпи. Вот Женья и терпит. И молчит. Такой весь добрый, влюбленный, порядочный. Одно только его сильно огорчает — детей нет. Не хочет Маринка детей. Поначалу хотела, а потом передумала. Боится фигуру испортить, да и вообще... Зачем ей ребенок, если честно? Если он вдруг появится, это ведь будет означать только одно — все пути в другую жизнь закрыты. Придется тогда попрощаться навеки с мечтой, с тем потенциальным обеспеченным бруталом, которого себе вымечтала. Ведь должен он когда-нибудь появиться на горизонте, обязан просто!

Конечно, Маринка в свои мечты Женью не посвящает, это было бы уж совсем жестоко по отношению к нему. Да и вдруг он взорвется в одночасье гордостью мужской ущемленной?

Давай придумаем любовь

Ведь есть где-то у него в душе гордость, не может не быть? Не всю же душеньку одна только любовь беззаветная забрала?

Маша вздохнула, подумав про беззаветную эту любовь. Сама-то она ведь так же любит... Так же безоглядно и беззаветно. И потому прекрасно понимает бедного Женю, в душе осуждает стерву Маринку. Потому что нельзя так, нельзя! Нельзя любовью пренебрегать, совесть надо иметь!

Хотя Маринку, к примеру, бесполезно звать к совести. Она только рассмеется в ответ, и все. Или сердиться начнет, как сейчас.

Марина, будто услышав ее мысли, вдруг проговорила раздраженно:

— Ну вот где он застрял, где? Почему так долго? Подумаешь, соленых огурцов надо купить, это ж пять минут всего!

— Да ладно, Марин... — миролюбиво произнесла Маша, улыбнувшись. — Ты же знаешь, сколько сейчас на рынке народу!

— Ага... И за солеными огурцами прям очередь стоит, можно подумать!

— Ну... Может, он еще что-нибудь решил прикупить...

— Ананасов с шампанским, что ли? Да на фига? Дэн все равно сам все купил... Они с Катькой всегда сердятся, когда мы продукты привозим, не знаешь, что ли? Вот же повезло Катьке с мужем, правда? Кто бы мог подумать,

ВЕРА КОЛОЧКОВА

что из этого рыжего Дэна такой классный мужик вылупится? Такой добытчик?

— А тебе разве не повезло, Марин? Да Женя все готов для тебя сделать, жизнь готов за тебя отдать!

— Ой, да что мне его жизнь... На хлеб ее намазывать, что ли? И любовь эта его... Она ж меня раздражает просто ужасно! Нет, я не считаю, что мне повезло. Не считаю... Да и тебе тоже не повезло, чего уж говорить. Выходит, Катка из нас троих всех лучше в жизни устроилась, счастливый билет вытянула.

— Интересно... А мне-то почему не повезло, а? Почему ты так говоришь? Интересно...

— Ой, да ладно! Ничего интересного, Маш. Потому что хрен редьки не слаще. Потому что мой муж размазня, а твой муж гулящий.

— Да ты... С чего ты такое взяла, Марин?! Да как ты...

— Ой, ой, не надо только кудахтать, пожалуйста! — болезненно поморщилась Марина. — Раскудахталась она... Будто сама не знаешь, что это так!

— Нет! Не знаю! И знать не хочу! Потому что это неправда! И ты тоже не можешь знать...

— Ну что ж, Машка, я тебя вполне понимаю, вполне... — сочувственно вздохнула Марина. — Между прочим, это тоже позиция — знать ничего не знаю, видеть не вижу. Вполне себе удобоваримая позиция, да. Но я бы так не

Давай придумаем любовь

смогла, уж извини. Я бы... Да я бы не знаю даже, что с ним сделала... Терпеть бы не стала, это точно!

— Марин... У тебя что, настроение совсем никудышное, да? Потому и говоришь мне всякие гадости?

— Да, настроение у меня просто ни к черту, ты права. Извини, если обидела. Ладно, беру свои слова назад, будем считать, что я ничего такого тебе не говорила. Это я на себя так злюсь, а в тебя рикошетом летит. Прости, Машка. Ты ж добрая. Прости меня, дуру злобную.

Маша хмыкнула, пожала плечами. Вот всегда с Маринкой так — сначала набросится, а через минуту прощения просит. Американские горки, а не дружеские отношения, ей-богу.

— А чего настроение-то плохое, Марин? — переспросила почти автоматически.

— Да так... Долго рассказывать, в общем... Но если в двух словах...

Маринка не успела ничего объяснить — в сумочке у нее зажужжал вызовом телефон. И тут же пальцы ее торопливо принялись терзать молнию на сумке, так дрожали при этом, что Маша поняла — очень уж сильно ждет Маринка этого звонка, очень уж сильно нервничает. И даже лицо ее вмиг изменилось, когда выудила из сумочки телефон и глянула на дисплей. Поплыло лицо, размякло, губы дрогнули радостью. И голос тоже поплыл...

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Да, здравствуй... Да, могу говорить... Ты почему так долго не звонил, я ж думала, с ума сойду! Да, да, любимый... И тебя с наступающим... Когда? Да когда скажешь... И я тоже очень соскучилась... Да, уже успела, представь! Да, буду ждать твоего звонка, очень буду ждать. И я тебя целую, да...

Маринка нажала на кнопку отбоя и тут же потянулась всем корпусом, как сытая довольная кошка. Маше показалось даже вот-вот замурлыкает от счастья. Сидела, молчала озадаченно, не в силах спросить: что это такое было сейчас?

Но Маринка сама ее спросила насмешливо:

— Ну, чего ты не любопытничаешь, Маш? Неужели тебе неинтересно, с кем я сейчас говорила? Опять интеллигентской неловкостью маешься, да?

— Ну, можно и так сказать, Марин...

— А ты спроси, не стесняйся! Мы ж подружки с тобой! Должны же мы делиться секретами как подружки?

Повернув голову к Маше, Марина глянула на нее хитренько, улыбнулась. И проговорила почти шепотом, с радостным придыханием:

— Это мой любовник, Машка... Классный мужик... Мой шеф, между прочим. Он всего месяц у нас на фирме объявился, все девки сразу на уши встали — такой мужик! У нас ведь куча молодых телок, а он... А он меня из всех выделил, только на меня глаз положил. И у нас уже

Давай придумаем любовь

все было, Машка, все было! Что, осуждаешь меня, да? А ты не осуждай. Должна же была я когда-нибудь влюбиться по-настоящему! Да я ж на все готова ради него... Зовет — я бегу сломя голову... Хоть куда! Хоть в мотель, хоть на съемную хату... Ой, да я даже представить боюсь, что дальше будет! Вернее, сглазить боюсь... Ну что, что ты сидишь с такой кислой рожей, Машка? Ты радоваться за меня должна, а ты...

— А как же Женя, Марин? Что будет, если он узнает?

— Господи, Машка, что ты клуша такая, ей-богу! Раскудахталась опять — как Женя, как Женя! Да никак! Вот он, кстати... Легок на помине... Не прошло и часа, как за солеными огурчиками сходил!

Маша повернула голову, увидела, что Женя и Павлик уже подходят к машине. Вот и дверь Женя открыл, впуская на заднее сиденье Павлика, морозный воздух прокрался в салон, остудил Машины горячие щеки. А Маринка уже говорила весело с мужем, будто играючи:

— Ну что, все в порядке, Жень? Вы чего так долго ходили? Мы тут с Машкой успели соскучиться... Давайте уже поедем, там Катька с Дэном заждались нас...

Маша глаза распахнула от удивления — так сильно поменялись интонации Маринкиного голоса. Куда-то вмиг подевалось все давешнее недовольство — чудеса да и только. Вот что го-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

лос любимого мужчины делает — животворящий для Маринки голос-то...

И бедный Женя тоже улыбнулся довольно — любимая женушка с плохим настроением справилась! Вот радость-то...

* * *

— Ну наконец-то! — проворчал Денис, выходя на крыльцо. — Я уж думал, вы и к двенадцати не доберетесь! Шевелитесь, нам еще елку во дворе нарядить надо!

— А разве у вас на участке елка есть? — удивленно спросила Маша, выбираясь из машины. — Вроде не было никакой елки!

— Ну, не елка, допустим... Но мы вон ту сосенку нарядим, тоже красиво будет! Давайте, давайте... шевелитесь!

— А что, раньше нельзя было эту сосенку нарядить? — недовольно спросила Марина, выбираясь из машины.

— Да что, Маринка, это ж самый кайф — чтобы всем вместе наряжать! — рассмеялся Денис, подавая ей руку. — Это ведь Новый год, это традиция! Чтобы всем вместе, на морозце, да под рюмочку водочки, да под соленый огурчик... Кстати, вы про соленые огурчики не забыли, надеюсь?

— Нет. Не забыли. А только чихать я хотела на традиции, Денис, я в тепло хочу. Давай

Давай придумаем любовь

так — девочки пусть на кухне хлопчут, а мальчики будут елку наряжать! То бишь сосну! Кухонные предновогодние хлопоты — это ведь тоже традиция, правильно?

— Пап, я тоже буду сосну наряжать! Я ведь мальчик! — услышали они от крыльца голос Кирюшки, который уже бежал навстречу Павлику, радостно улыбаясь. Подбежав, спросил озадаченно:

— И где твой папа, Паш? Его нету, что ли?

— Он... Он позже приедет... — тихо пояснила мальчику Маша, быстро глянув на Марину.

Но та и не смотрела в ее сторону. Выбравшись из машины, раскинула руки в стороны, потянулась томно:

— Как же хорошо у вас тут... Воздух свежий... И участок, и дом как на картинке из глянцевого журнала. Живет же буржуазия, да, Маш? Нам бы с тобой так пожить...

— Да, хотелось бы... — тихо ответила Маша. — А воздух какой... правда! Прямо счастьем пахнет! Семейным...

— Не сглазь, Маринка. Не сглазь... — быстро махнул рукой Денис. И скомандовал тут же: — Ладно, девчонки, идите в дом! Там Катя вас уже заждалась! И поглядывайте в окно, как мы с мужиками будем елку наряжать! И завидуйте! А еще потом сюрприз будет, между прочим!

— Да знаем мы ваши сюрпризы... — беззлобно проворчала Марина. — Натыкаете по всему

ВЕРА КОЛОЧКОВА

участку хлопушек и фейерверков, и они начнут бабахать ровно в двенадцать часов! Знаем, знаем... Нас уже ничем не увидишь. К тому же вашими детскими радостями.

— Не ворчи, Маринка. У тебя что, настроение сегодня плохое?

— Ну что ты, Денчик, что ты! Настроение у меня замечательное! Просто блеск, а не настроение! Правда, Маш? — обернулась она к Маше, заговорщицки подмигнув.

Маша только плечами пожала, направляясь к крыльцу. Вовсе ей не нравилось это подмигивание, заговорщицкий тон не нравился. Еще не хватало, чтобы и с Катей Маринка своими подлыми секретами начала делиться, вот в чем дело!

Но Маринка и не собиралась, похоже. Да и некогда было — Катя сразу их пристроила к делу. Маринке поручила посуду на праздничном столе расставить, а Маше овощи для салата резать.

Втроем они быстро справились и присели за кухонный стол отдохнуть. Катя достала бутылку коньяка, предложила с улыбкой:

— Давайте по разминочному рюмашу опробуем, девчонки? Не против?

— О, давай! — тут же согласилась Маринка.

— Может, лучше вина? — робко спросила Маша, с испугом глядя на бутылку.

— Да ладно тебе, Маш! — вдруг рассердилась Маринка. — Вечно ты все испортишь, ей-богу!

Давай придумаем любовь

Вот всегда ты занудой была скучно правильной! Я удивляюсь, как это Олег рядом с тобой до сих пор с тоски не помер! Вернее, нисколько не удивлюсь, если...

— Марин! Прекрати! — сердито осадил ее Маша, осторожно глянув на Катю. — Прекрати, слышишь?

— А я что, я ничего... Я же просто так сказала... — хлопнула длинными и искусственно густыми ресницами Марина.

Катя глянула на них озадаченно, спросила осторожно:

— А в чем дело, девчонки? Я что-то не знаю, да? Как-то вы странно между собой общаетесь... Или мне показалось?

— Показалось, Катюха. Наливай лучше... Не бери в голову, все в порядке... Ой, смотри, мужики и впрямь сосенку на участке нарядили! А красиво как! Будто настоящая елка, вся огоньками светится! Странно, почему мы раньше никогда эту сосну не наряжали? Молодец, Денис, классно придумал...

— Да, красиво... — тоже глянула в окно Катя. — И дети все в снегу вывалялись, не замерзли бы... Смотрите, как Женя с ними носится! И тоже весь в снегу...

— Ну, меня это не удивляет, — раздраженно махнула рукой Марина. — Мой муж, он же и сам как дитя малое. Такой же наивный, ей-богу.

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Он не наивный, Марин... Он у тебя очень искренний. Жаль, что ты этого не ценишь, очень жаль. Нынче искренность воспринимается как что-то стыдное и неловкое, а жаль...

— Ну да... Ею ведь сыт не будешь, Катя. Если б была такая возможность, я бы поменяла мужнину искренность на суровую деловитость, да только нет у меня такой возможности, ничего не поделаешь.

— Так деловитость тоже не исключает искренности, Марин... — тихо возразила Катя, поворачивая в пальцах ножку рюмки. — И доброты не исключает... Просто ты на своего Женю под каким-то странным углом смотришь, ты ему развернуться не даешь, вот в чем дело. Не любишь, не веришь в него... Может, вам все-таки ребеночка завести, а, Марин? Это многое бы поменяло...

— Тебе надо, ты и заводи! — неожиданно сердито откликнулась Маринка. — Можешь третьего завести, можешь четвертого, давай! Есть ведь кому их кормить, правда? А мне... Я Женькину искренность и доброту на хлеб не намажу, уж извините... Не будем развивать тему, наливай еще! Я сегодня напиться хочу... Новый год все-таки!

Маринка подставила рюмку, и Катя наполнила ее до краев. Себе плеснула чуть-чуть, а Маша категорически отказалась:

— Нет, мне не надо больше! И так голова уже побежала... Я как-то коньяк не очень мо-

Давай придумаем любовь

гу, девчонки, вы ж знаете. Я от него совею, как Мюллер.

Едва Катя и Маринка успели выпить, как открылась в прихожей дверь и послышался голос Кирюши:

— Мам, ты где? Представляешь, мам, мы с Павликом три раза дядю Женю в снег завалили! И не думай, он нам специально не поддавался, нет! Можешь у папы спросить, мам!

— Да тихо ты, Сонечку разбудишь... Кричишь на весь дом! Я специально ее пораньше уложила, чтобы она к двенадцати проснулась! Иначе потом обижаться будет, что Новый год с нами не встретила!

Пока суетились, время незаметно подошло к одиннадцати. Пора было садиться за стол, но не садились из молчаливо неловкой солидарности по отношению к Маше — ждали Олега. И Маша чувствовала эту солидарность, страдала от нее, не хотела ее вовсе... Еще и Павлик застыл у окна, вытянув шейку, тоже отца ждал. И наконец закричал радостно:

— Приехал! Папа приехал! Ура! Мам, что ты стоишь, папа же приехал!

— И правда, что ты стоишь? — тихо и насмешливо проговорила Марина, проходя мимо. — Пляши от радости, чего ты... Приехал же все-таки, ну? За сорок минут до боя курантов успел... Ай, молодец какой! Остается только с цыганским приплясом всем вместе его встре-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

тить — «к нам приехал, к нам приехал наш Олежек дорогой!»

Маша ничего ей не ответила. Что она могла ответить? От напряженного ожидания у нее даже сил не было огрызнуться. Развернулась молча, пошла встречать Олега в прихожую.

Он вошел в дверь — улыбчивый, большой, красивый. Обнял ее мимоходом, потом подхватил на руки подбежавшего Павлика.

— Простите за опоздание, народ! Так получилось, простите! А вы почему все еще трезвые, не пойму? Что, и за стол не сядились? Ну, это вы зря...

— Да вот и я думаю, что зря... — многозначительно проговорила Маринка, глянув на него насмешливо. — Не стоишь ты такой чести, Олежек, ох не стоишь!

— А ты, Мариша, как всегда, в своем репертуаре? Язвишь помаленьку, да?

— Отчего ж помаленьку? Я и не помаленьку могу... Заказывай, а я уж постараюсь...

Уселись за стол, выпили за год уходящий. Потом еще выпили, закусили. Потом начали обмениваться подарками, охать и ахать восхищенно, чуть преувеличенно. Как всегда... Хотя это «как всегда» ни для кого не бывает обыденным, потому что особенный праздник все-таки!

Под бой курантов и радостный женский визг открыли шампанское, выпили, перещеловались душевно. В такие моменты кажет-